

Юность Федора Шалаяпина*

Л. НИКУЛИН

В 1873 году в семье архивариуса, писца Казанской уездной земской управы родился сын, которого нарекли Федором.

Шалаяпины жили в шести верстах от Казани, в деревне Ометьево, потом переехали в Казань, в Суконовую слободу. Был в семье был почти схожий с бытом дома на Успенском съезде в Нижнем Новгороде. Брань, побои, пьянство...

У Горького дед избивал бабушку, жалевшую и голубившую Алешу Пешкова. Отец Шалаяпина избивал его мать — добрую и милую русскую женщину. Был ее беременною. Однажды Федя Шалаяпин попробовал заступиться за мать. Отец жестоко избил его палкой и вытолкнул в одном нижнем белье на улицу. Это было в двадцатиградусный мороз. С тех пор Федя Шалаяпин уже не заступался за мать. В трезвом виде отец, по свидетельству Федора, был тихий, молчаливый, вежливый человек со странностями.

Пил он сначала по двадцатым числам каждого месяца, в дни получки, а потом стал пить каждый день. Был бы страшный, вокруг во всей слободе одни те же картины — побои, пьянство, бедность, грязь и злоба. Таким был мощанский брат в те, не слишком отдаленные от нашего времени, годы.

Таковыми были детство и отрочество Горького, детство и отрочество Шалаяпина.

Отдали Федора Шалаяпина в ученье сначала к сапожнику, потом к плотнику.

Однажды завалили на него тяжелое бревно. Мальчик упал под тяжестью бревна, упал, но не заплакал. К чему плакать? «Завтра гдеть все равно буду таскать такие же бревна». Обучился грамоте, работал переписчиком, получал 8 рублей в месяц. Работал в судной кассе «Печонкин и компания», потом в счетной палате. Потерял важную бумагу — выгнали. Потом был переписчиком в духовной консистории.

И вот, наконец, первое соприкосновение с искусством — Шалаяпин статист в Казанском театре, — кричит «ура!» в опере Глинки «Иван Сусанин». Подвизался в качестве статиста и в драматических спектаклях. Первая роль «со словами» была в водевиле. У него была только одна реплика, вернее, одно слово. На вопрос: «Поставил?», Шалаяпин должен был ответить только одно слово: «Поставил». Но внезапно отнялся голос, он не смог произнести даже это слово. Его потащили за кулисы, сорвали театральный костюм и выгнали.

Потом играл Держиморду в «Ревизоре». Жизнь не сладкая, но все же привлекательнее жизни писца в судной кассе «Печонкин и К°» или в духовной консистории.

Биографы Шалаяпина никогда не забывали упомянуть об одном курьезе: в одном из волжских городов набрали хор. Горького приняли, а Шалаяпина отказали, — у него в те годы ломался голос.

В 1886—1887 году Шалаяпин пел в Казанском соборе, пел дискантом, и знатоки и ценители хорового пения жаловались на него: по мнению знатоков, Шалаяпин нарушал «благолепие хорового пения».

И в Казани, и в Тифлисе почти параллельно идут линии жизни двух замечательных людей. Линия жизни Горького и линия Шалаяпина. Горький — лекарь в булочной Семенова, Шалаяпин — в ученье у плотника. Точно так же в Тифлисе Горький работает в дело Закавказских железных дорог, Шалаяпин — переписчик в бухгалтерском отделении управления тех же дорог. Но линии этих двух судеб пока не встречаются.

После первых, не слишком удачных дебютов на сцене Шалаяпин выступает в концерте вместе с фокусниками. Выступает как тещ-декламатор, читает Некрасова, в середине чтения останавливается и мрачно произносит: «Забыл», и уходит с эстрады. Смех и аплодисменты. Шалаяпин возвращается, читает сначала и опять замолкает, улыбается и опять то же: «Забыл». Публика добрая — смеется, аплодирует, какое-то обаяние есть в этом долговязом, нескладном парне. Вот и все лавры, но зато терпиев сколько угодно.

От голода подводит живот. Нет крова, Шалаяпин сходится с бродягами-боснякам, пьет с ними водку и поет им. Бродяги слушают и хвалят: «Хорошо поешь, чорт тебя дерни!». Ему еще лет 16, а он уже накануне того, чтобы стать профессиональным актером.

Антрепренер Семенов-Самарский набирает труппу для Уфы. Шалаяпина принимают в труппу, жалованье 15 рублей в месяц. И как это случилось не раз со многими знаменитыми артистами, случай помогает Шалаяпину выдвинуться. Заболел певец, партия стольника в «Гальке» поручена Шалаяпину. Успех. Антрепренер прибавил пять рублей жалованья. После этого успеха снова голодное существование, бродячая жизнь и переписка казенных бумаг, чтобы не умереть с голода.

Но оставить навсегда театр Шалаяпин уже не может, он бросает переписку бумаг и поступает в малороссийскую (так в те времена называлась труппа украинских артистов) труппу антрепренера Любимова-Деркача.

Ему положено жалованье 25 рублей в месяц.

Он странствует с украинскими актерами по Волге, поет на пароходе «Ноченьку».

* Из новой книги «Шалаяпин и его время».

удивляя слушающих чудесно прозвучавшим голосом.

Но андерсеновская сказка о том, как «гадкий утенок» стал чудесным лебедем, еще не сбылась.

В 1891 году, в Баку Шалаяпин оставляет малороссийскую труппу Любимова-Деркача. Впоследствии знаменитый артист Шалаяпин будет вспоминать о голодных днях юности и вдруг лицо его озарится улыбкой, когда он вспомнит, как он и его товарищи из малороссийской труппы варили кулеш на берегах Волги...

1890 год считается началом артистической деятельности Шалаяпина. Но это не означает, что с этой минуты великий артист шествует по розам. Бакинский и тифлисский периоды, пожалуй, самые тяжелые дни его жизни. После малороссийской труппы судьба приводит Шалаяпина во французскую опереточную труппу Лассалья.

И это предприятие кончилось крахом. После оперетты Лассалья Шалаяпин очутился в Баку в буквальном смысле на мостовой. Он был грузчиком, таскал кули с пристани на вокзал, это давало заработок 10—20 копеек в день. После Баку был Тифлис и труппа некоего Ключарева.

Антрепренер прогорел, и Шалаяпин снова на улице, снова бездомный бродяга.

В те времена старый Тифлис был колоритным, своеобразным, многоязычным городом. Здесь, под этим благодатным небом, среди живописной природы особенно остро ощущались социальные противоречия.

Был Тифлис официальный, Тифлис «наместника его величества на Кавказе», двор наместника, копировавший со времен Воронцова этикет и традиции царского двора. Бездомному бродяге не разрешалось даже пройти по Дворцовой улице мимо дворца, где на часах стояли кубанские казаки в синих черкесах с саблями наголо.

Был другой Тифлис — район Сололаки, там были особняки армянских богатых фамилий, соперничавших с разорившимися грузинскими аристократами. И было простонародье, заполнявшее Майдан, спорившее чуть не на двадцати языках и наречьях. Соблазнительные запахи неслись из духанов, на улицах жарили шашлык, из погребков пахло вином, и над всем этим было сияющее, южное небо. Здесь бродил семнадцатилетний Федор Шалаяпин, хвалявший горя, отщавший от голода, не имеющий крова над головой, юноша на грани самоубийства...

— А за что мне любить людей? — гневно, сдвигая брови, говорил он, — не за что мне их любить!

Так он говорил на вершине славы и при этом забывал человека, который претерпел то же, что и он. Пожалуй, тому человеку приходилось хуже. Сидел этот человек и за решеткой в Метехском замке в Тифлисе, тюрьмы и труппы были его университетами. Но Максим Горький сохранил великую любовь к людям, к человеку. В душе Шалаяпина не было этого высокого чувства.

Через 20 лет после тифлисских бедствий Шалаяпин пел в этом городе и «весь Тифлис», т. е. наместник, военные и гражданские власти, аристократия финансовая и родовая, аплодировал человеку, который 20 лет назад почти умер от голода и лишения и готов был покончить с собой.

Поистине сказочная биография...

Может быть, громче всех аплодировал Шалаяпину тот самый рецензент, который в 1893 году в Тифлисской газете «Новое обозрение» писал о Шалаяпине буквально следующие строки:

«...Голос небольшой, не имеет достаточной густоты, особенно в нижних регистрах...».

Надо полагать, что этот любитель «достаточной густоты» к этому времени изменил свое мнение о всемирно знаменитом русском артисте.

Тифлисские злоключения, лишения и страдания пришли к благополучному концу. Здесь Шалаяпин нашел своего первого и единственного учителя пения, оперного артиста Усатова. Он послушал Шалаяпина, и, когда его спросили, можно ли молодому человеку учиться пению, Усатов ответил: «Должно».

Постановка голоса у Шалаяпина оказалась природная. Усатов обучал Шалаяпина бесплатно, об этом человеке артист сохранил добрую память и признательность.

Сохранился фотографический снимок — Шалаяпин в Ялте на кладбище у могилы Усатова. Ученик в расцвете мировой славы пришел поклониться праху учителя. Снимок был напечатан в газетах со слащаво-сентиментальными комментариями, но лицо Шалаяпина выражает искреннюю грусть, сожаление о безвозвратно ушедших, хотя и тяжелых днях юности.

В Тифлисе Шалаяпина приняли в казенную оперу, он пел в «Сказках Гофмана», в «Демоне», имел некоторый успех, прикомандирован к поезду на платформе с песком. Переживаясь с поезда на поезд, он добрался до Москвы. В Москве устроиться не удалось, и он пытается счастья в Петербурге. Антрепренер Лентовский набирает опер-

ную труппу и приглашает Шалаяпина на летний сезон.

Там же, в Тифлисе, Шалаяпин встречается с дирижером Груффи, самым почитаемым из его дирижеров и впоследствии. В Петербурге Груффи помогает Шалаяпину в его первых шагах на петербургской оперной сцене.

Начинается ранний петербургский период жизни Шалаяпина.

Летом в 1896 году Шалаяпин поет в оперном театре в Нижнем Новгороде, на Нижегородской ярмарке.

1896 год был год «коронационный». Коронационные торжества было решено отпраздновать с неслыханным великолепием и пышностью. Однако эти торжества были омрачены катастрофой на Ходыньском поле. Нераспорядительность полиции вызвала огромное скопление народа, возникла давка, в которой погибли тысячи людей. Это событие вошло в историю под названием «Ходынки», оно бросило мрачную тень на начало царствования Николая II, как бы предопределило его судьбу.

Нижегородская ярмарка в коронационный год была особенно оживленной. Увеличения на «всероссийском торжище» дополняли картину ярмарочного, колоритного быта.

Кто только не мечтал поправить дела на ярмарке — рестораторы, содержатели трактиров, гостиниц, подворий, антрепренеры, содержатели цыганских, венгерских хоров, венских дамских оркестров, кафе-шантанне певицы, сводни, привозившие на ярмарку своих «барышень», гадалщицы, фокусники, борцы, карточные шулера, наконец, просто карманные вору...

В трактирах «Самокат», в «Восточном базаре» кутили достопочтенные купеческие семьи, отцы и сыновья, с'ехавшиеся со всех концов России, в родном городе имевшие репутацию самую почтенную.

И вот среди разношерстной наезжей публики пошел слух, что в опере поет русский певец с замечательно красивым голосом, притом не сладчайший тенор, не баритон, а бас, что еще более удивительно, по фамилии не то Шляпин, не то Шалаяпин...

Именно здесь, в Нижнем Новгороде, произошла знаменательная встреча Шалаяпина с Саввой Ивановичем Мамонтовым, человеком, который с честью служил родному русскому искусству.

Это была третья счастливая встреча на жизненном пути молодого артиста — Усатов, дирижер Груффи и Савва Мамонтов.

В Москве, в частной опере Мамонтова, в полном блеске засияла звезда Шалаяпина, вот почему Москва, сердце России, по праву оспаривала у Петербурга великого русского артиста.

Почти все свои замечательные партии Шалаяпин создал в Москве, в театре Солодовникова, в частной опере Мамонтова.

Теперь в этом театре филиал Большого театра.

Здесь Шалаяпин пел Сусанина, мельника в «Русалке», Мефистофеля в «Фаусте», Ивана Грозного в «Псковитянке», Сальери в «Мощаре и Сальери» и другие, создавшие ему славу оперные партии.

22 сентября 1896 года Шалаяпин впервые пел Сусанина.

«На долю господина Шалаяпина вчера выпал огромный успех...».

«Молодой, но очень талантливый артист...».

Так писали московские газеты.

Федору Шалаяпину только 23 года.

В 1898 году двадцатипятилетний Шалаяпин поет Грозного в «Псковитянке». Даже Мамонтов сомневался в успехе этой оперы Римского-Корсакова. Впервые эту оперу услышали в Москве, в России и в этом заслуга Шалаяпина.

Звезда великого артиста взойшла.

Естественно, возникает вопрос: где учился Шалаяпин, откуда почерпнул этот русский самородок чувство эпохи, тонкое музыкальное чутье, психологическую чуткость, наконец, глубокое понимание смысла слов, которые он пел, откуда все это взял Шалаяпин, кто были учителя гениального артиста?

Шалаяпин отвечал на это — цвет русского общества, цвет русского искусства — композиторы, писатели, великие русские художники, ученые.

У него была редчайшая восприимчивость, он запомнил на лету брошенную интересную мысль и запомнил энергичский, характерный облик какого-нибудь оборванца, которого увидел на пристани, поворот головы, песню, напев, случайно услышанный на пристани. Когда пел царь Бориса, Ивана Грозного, то вел долгие беседы с замечательным русским историком Ключевским. Когда пел Олоферна, припомнил драгоценные полотна великих мастеров, древнейшие фрески и барельефы. Он всей душой тянулся к живописи, к искусству и мечтал на склоне лет окружить себя произведениями искусства и жить вдали от житейских тревог.

Многие говорят о всестороннем даровании Шалаяпина, и это правда — он талантливо рисовал, у него были редчайшие литературные способности, он очень верно и глубоко оценивал литературные произведения.

Четвертой, самой счастливой встречей в жизни Шалаяпина была встреча с Максимом Горьким.

Встретились они в Нижнем Новгороде в 1897 году, уже известными всей России и всему миру людьми.